

Игорь Шестков "Улыбка гопи"

УЛЫБКА ГОПИ

В начале лета, когда к Горбачеву Рейган приехал, но еще до взрыва в Арзамасе, по нашему двору прокатился припахивающий какой-то мерзкой достоевщиной слух. Будто бы три ученика соседней десятилетки жестоко изнасиловали в лифте нашей девятиэтажки на улице Голубинской свою одноклассницу, хроменькую и косоглазую Алинку Беспалову.

Об этом ужасном происшествии мне рассказала Зинаида Викентьевна Подливанная, пенсионерка с заплывшим лицом, похожим на блин, которую хорошо ее знающие соседи за глаза звали не иначе как «эта подлюга».

Подливанная двадцать лет возглавляла парторганизацию одного из проектных институтов недалеко от Калужской, а потом проштрафилась, вылетела из партии и чуть не загремела в тюрьму.

– Вся кабина в крови! Сама видела. Три часа лифт стоял, жильцы вверх-вниз пешком ходили, а они там зверствовали. Бедная девочка в голос кричала! Дети перестройки. Горбачов будет доволен! Вот вам ваша свобода-гласность!

Хромоножку изнасиловали, звери! Святую юродивую! Девочка в больнице, а изверги на свободе! В этом деле заводила – Левинсон. Он остальных науськал, ясочку нашу в лифт затащить. Святого нашего ангелочка. Сколько еще русская земля этих иродов носить будет? Будет нам когда избавление? Да воскреснет Бог! Да расточатся врази его, яко исчезает дым! – восклицала подлюга Зина и томно закатывала невыразительные белесые глаза без ресниц, сжимая пухлые розовые кулачки и прижимая их к вздымающейся груди. Чувствовалось, что пакостная эта новость ей очень нравится. Отрывает ее от грешной земли и уносит в заоблачные дали.

...

«Святая юродивая хромоножка» Алина Беспалова была моей соседкой по подъезду. Маму ее звали Полина. А папу – Николай Петрович. Познакомился я с Полиной случайно, в универсаме. В очереди в кассу. Заметил, что какая-то

усталая женщина читает книгу – «Сарторис» и спросил ее, покосившись на книгу, купил ли уже молодой Байярд автомобиль? Она заинтересованно посмотрела на меня, рассмеялась и похорошела. Мы разговорились. Позже Полина познакомила меня с мужем и дочкой.

Супруги Беспаловы работали в ЦАГИ, в Жуковском. Рано утром их подбирал служебный автобус на Кольцевой дороге. Ровно в семь вечера привозил назад. Беспаловы жаловались, что раньше им приходилось тащиться на работу через всю Москву. Рейсовым автобусом до Беляево, на метро до Выхино, а потом на электричке еще двадцать пять километров. Оба они были инженерами, работали на аэродинамических трубах. Иногда и по ночам. Мне эта техника была знакома, я рассказал им, как на студенческой практике ошибся в расчетах и получилось, что самолет летит хвостом вперед. А они поведали мне о том, почему пассажирские самолеты Туполева зовут «тушками».

В гости друг к другу мы не ходили. Я был бы пожалуй и не прочь раз в месяц раздавить бутылочку с соседями, но Беспаловы не звали, а я не напрашивался и к себе тоже не звал. Что мне им в моей холостяцкой однокомнатной квартире показать? Чем похвастаться? Тараканами на кухне? У них, небось, своих полно. Разве что книгами, но я не люблю давать книги – зачитают. Чем мне их угостить? На мою зарплату не разгуляешься. У меня даже кофе не было. Пил я обычно кипяченую воду.

Разве что, дать им мой рукописный роман? Написал я тогда роман про недовольного советской жизнью молодого человека, который решил убивать в месяц хотя бы одного коммуниста. И преуспел. Заканчивался роман описанием того, как Америка уничтожает СССР массивной атомной бомбардировкой. А мой герой, увидев за несколько секунд до смерти из окна главного здания МГУ атомные грибы, вырастающие по всей Москве, впервые в жизни ощущает радость и умиротворение. И шепчет: «Наконец-то догадались...»

...

Полина была такой серенькой мышкой, начитанной, даже по-своему сексапильной, но какой-то погасшей, прокисшей, безвольной и раньше времени постаревшей. Хорошела она, только когда смеялась. Полина рассказывала мне про дочь, которую она называла «нашей дурочкой». О том, как неожиданно,

когда ребенку было уже полгода, началась болезнь. Как они с мужем боролись и победили. Как их измучила советская медицина.

Николай Петрович – худой, высокий, с рябоватым лицом и сонными, всегда полураскрытыми глазами сразу показался мне человеком с двойным дном.

Беспалов никогда не глядел в глаза собеседнику, ускользал, уходил от контакта, прятался. Чувствовалось, что ему есть что скрывать. Полину он подчинил себе полностью. Помню, как он однажды пробурчал что-то ей в подъезде, у лифта, и по ее лицу прошла дрожь. Она дернулась, и как будто еще сильнее прокисла, обмякла, постарела, в самой ее фигуре появилась томная линия смирения, согласия, собачьего подчинения.

Однажды я, войдя в наш подъезд, получил сюрприз. На грязном кафельном полу стоял целый флот парусников. Катти Сарк я узнал сам, а названия остальных, удивительно добротнo сделанных, почти метровых моделей, с изумительными шелковыми парусами огласил мне сам мастер, вышедший из лифта с двухметровой трехтрубной Авророй под мышкой.

– Фермопилы, Сэр Ланселот, Титания, бригантина Юнона, фрегат Паллада. А этот глупый крейсер, – как бы извиняясь, добавил Николай Петрович, – мне пришлось сделать, чтобы допустили к участию в конкурсе.

– А как же самолеты? Ревновать не будут?

– Этого добра и на работе выше крыши. Всю жизнь мечтал прокатиться на паруснике. Но удалось пока только на Голландце по Клязьме несколько раз пройти. Однажды даже спинакер выпускали. Красота.

Тут Беспалов запел скрипучим баритоном популярную тогда песню.

– В флибустьерском, дальнем синем море, бригантина поднимает паруса.

Я подпел, покрякал уважительно, потрогал снасти и ушел к себе. От всех этих идиотских парусников пахло чем-то фальшивым. «Бригантина» написана в 1937 году!

Мне показалось, что все эти чайные клиперы, фрегаты и авроры – «второе дно» Беспалова, существующее только для того, чтобы лучше спрятать от всех и от самого себя – третье или четвертое или энное, настоящее «дно» этого человека. Какие чудовища там обитали? Какие гнусности пришлось прикрывать алыми парусами?

С Алинкой я тоже несколько раз перекинулся парой слов. Вовсе она не дурочка, не святая, не юродивая! Ну да, глазки слегка косят, отчего она только интереснее кажется, ходит чуток на цыпочках, коленки тоненьких длинных ножек как будто друг к другу приклеены. На школьном синем пиджачке – дюжина значков неправильной группкой. Города. Несколько значков и на жилетке. Суздаль с куполами. Киржач с совой. Псков с Довмонтовой башней. Нормальная московская девчушка. Белокурая. Задумчивая. Но не печальная. Кокетливая даже. Что-то было в ней от чудесных пастушек гопи, беззаботных богинь-милашек, спутниц Кришны.

...

Вначале я Подливанной не поверил. Подумал – врет, подлюга. Кабина в крови? Хотел было подняться к Беспаловым, потом раздумал. Припрусь без приглашения? И что я им скажу? По плечу похлопаю?

Через несколько дней после разговора с Подливанной я пошел на отчетно-перевыборное собрание нашего жилищно-строительного кооператива «Ясень». Ненавижу пустую, бессмысленную говорильню! Но пойти надо было – хлопотал тогда о телефоне, нужна была подпись председателя на ходатайстве. Надоело на улицу в мороз бегать.

Собрались все в правлении. Тяжелое это испытание – советские люди в массе. Мучение – и для слуха и для носа и для глаз. А особенно для здравого смысла. Первым, неожиданно для всех, взял слово участковый милиционер Сидорчук. Он читал по бумажке.

– Преступление совершено 28 мая текущего года в лифте подъезда номер три, около двух часов дня. Три школьника, личности которых еще выясняются, заманили потерпевшую, Беспалову Алину, пятнадцати лет, страдающую детским церебральным параличом, под предлогом, что покажут ей значки, в подъезд, затащили в лифт, остановились между восьмым и девятым этажом и изнасиловали. Крики Беспаловой услышаны не были. После совершения преступления преступники пригрозили убить потерпевшую, если та расскажет обо всем дома, и разбежались кто куда. Беспалова пришла домой плачущая, расхристанная, в крови. Мать потерпевшей вызвала скорую помощь. Потерпевшую положили в больницу на обследование. Проводятся следственные

действия и оперативно-розыскные мероприятия, направленные на детальное установление обстоятельств совершенного преступления.

На тут же посыпавшиеся на него вопросы взволнованных пайщиц нашего кооператива Сидорчук отвечать отказался, но попросил присутствующих помочь следствию.

– А если у вас есть что сообщить по делу, передавайте мне в письменной форме.

Тут поднялась со своего места тихо и смиренно до сих пор сидевшая мать Митеньки Горлова, одного из неназванных Сидорчуком малолетних преступников, Милена Карловна, полная дама сорока пяти примерно лет, страдающая астмой. Горлова начала было говорить, но задохнулась, схватилась за сердце, продолжила, но поперхнулась на первом же слове, закашлялась, стала пунцовой.

– Мой Митенька кха-кха ни в чем не виноват, вы все его знаете, он мухи не обидит, если бы он кха-кха тронул несчастную девочку, я сама бы отвела его в милицию и в колонию отправила! И всю жизнь бы стыдилась. Он говорит, все было не так. И я ему верю. И не позволю тут моего ребенка шельмовать! Не позволю! Кха-кха-кха. И значков никаких у него никогда не было. Митенька марки собирает. С животными.

Какой-то грузный мужчина атлетического сложения пробасил: «Кааанечно, она сама себя изнасиловала, а Митенька – ангел божий. Марки собирает с сусликами и дикобразми. В колонию его надо, к петухам на насест, пусть там жизнь узнает.»

Горлова в ответ на эту реплику так зашлась в кашле, что чуть не умерла.

Участковый Сидорчук скорчил зверское лицо, гневно посмотрел на грузного мужчину и проговорил: Попрошу тут без мнений и комментариев! Сказал же, личности преступников выясняются! Предложения и пожелания – в письменной форме.

Отбрив так атлета, Сидорчук собирался с достоинством покинуть собрание.

Направился к выходу. Но по дороге неловко зацепился ногой за ножку алюминиевого стула и чуть не растянулся. Заскакал смешной растопыренной жабой, уронил фуражку и бумаги. Пайщики дружно заржали.

...

Эстафету переняла мать Игорька, энергичная Софья Павловна Аскольдова, породистая горбоносая красавица в строгом бежевом костюме и с небрежно наброшенной на высокие декадентские плечи пестрой итальянской шалью. Аскольдова медленно отчеканила: «Милена Карловна права. Митенька еще ребенок. И мой сынок тоже. Игорь на такое злодеяние не способен. Он сознательный школьник – отличник, староста класса. Участвует в выпуске школьной газеты «Юный ленинец». Написал статью о зверствах израильской военщины на оккупированных палестинских территориях. Не трогал он эту Беспалову. Он еще с морскими свинками играет. Кто-то другой над Беспаловой надругался, а на наших мальчиков валят все. И у него никаких значков нет, кроме пионерского».

Бас-атлет и тут не удержался: «Ну вот, еще один агнус деи. Юный ленинец он, ути-ути-люшенки. Со свинками играет и о зверствах израильской военщины пишет. Писатель. Знаю я этих юных ленинцев. В колонию его надо отправить, на опетушение!»

Народ загоготал, а Аскольдова метнула в атлета злобный и презрительный взгляд. Как дискбол – огненный диск. Горлова задышала еще тяжелее. На ее рыхлом лице появились, как звезды на вечернем небе, бусинки пота.

Как-то само собой подумалось, что теперь самое время выступить с адвокатской речью перед кооперативными присяжными и матери Павлика, Нине Левинсон. Я поискал ее глазами в толпе и не нашел. Не было ее в зале, потому что после посещения милиции и разговора со следователем, в котором она получила ужасно возмущившее ее предложение, Ниночка так расстроилась, что загремела в Белые Столбы. А отец Павлика, доцент, кандидат химических наук Борис Левинсон, половину жизни проводящий в командировках в Пермскую область, общие собрания нашего кооператива не посещал принципиально, брезговал. Кстати, через несколько лет Левинсону эту его брезгливость припомнили. У нас ничего не забывают. К тому времени он уже с Ниночкой развелся, сына отправил жить к каким-то родственникам, а сам женился на оптимистке Юльке Млажиной, личной секретарше директора Губахинского химкомбината, Мордашина. Млажина привезла с собой в квартиру доцента двоих писклявых

избалованных детей. Доцент тут же захотел расширить свою жилплощадь и подал заявление на освободившуюся из-за отъезда на историческую родину семьи Гузманов трехкомнатную квартиру. А его поставили в конец очереди из тридцати семей. Несмотря на взятку в тысячу рублей, которую он самолично дал бухгалтерше Рубахиной, толстой и вредной женщине с дурным запахом изо рта и черным глазом. Рубахина деньги спрятала в лифчик, но на доцента посмотрела неприязненно, прищурилась как-то по-лисьи и кольнула: «Что же Вы, уезжать стало быть, не собираетесь в Телявив, дорогой наш товарищ Лявисон? А мы уж тут думали-гадали, кого в вашу двухкомнатную пустить. Все ваши уже там. А тысяча уже не деньги. Четыре батона купить можно».

Левинсон смутился и на следующий год, не выдержав российских кошмаров, уехал таки в Израиль. А уже оттуда с огромным трудом и не без греха перебрался в Бостон, где изучает наверное свои формальдегиды и по сей день. А Млажина с ним не поехала, осталась в Ясенево, куда к ней приехал жить и ее бывший шеф Мордашин, отсидев несколько лет по незначительному делу. Говорят, Млажина работает в новопостроенной в Ясенево бело-синенькой мемориальной церквухе. Продает там иконки и свечи. А один из ее сынков там то ли в попах, то ли в дяконах. А в квартиру Гузманов въехал тогда новый пайщик Архип Черных, заводской завхоз из Лобни, человек современный, то есть совершенно бессовестный гад. Говорят, он так много на своем заводе наворовал, что и Измитову и Рубахиной и Косоротову и даже участковому Сидорчуку за прописку подарил по автомобилю. Врут, наверное. Никогда я не видел Сидорчука за рулем. Он бы и с велосипедом не справился.

А вот что достоверно известно, так это то, что этот Черных довольно быстро ухитрился стать председателем кооператива, а всех старых членов правления заменить на своих людей из Лобни. Косоротова ударил из-за этого инсульт. Он пролежал полгода в районном Брежневском доме для престарелых и умер. За его рыбками в это время ухаживали соседи, а после его смерти все три его аквариума – с неонами всех цветов, барбусами, гуппи с шикарными хвостами и божественными скаляриями – отдали в детский сад напротив нашего дома. Измитов живет на Кипре, а Рубахина стала бухгалтершей соседнего кооператива «Тополь». Его председатель, бывший моряк Северного флота, Никифор

Трифонович Заглыба, изменяет с ней, несмотря на дурной запах из ее рта, на кожаном диване в помещении правления своей нежной жене Хлое Искандеровне.

Так что никто Павлика Левинсона на собрании не защитил. Или он и не нуждался в защите? У Левинсона водились деньги. Он гордо водил белые жигули. Даже гараж имел. Кажется, после участия его сына в «изнасиловании в лифте», Левинсон гараж продал.

Атлетический бас продолжал басыть и изрыгать яды. Некоторые пайщики распалились праведным гневом и жаждали мести – предлагали выгнать семьи насильников из кооператива. Особенно громко кричали те, кому самому хотелось хотя бы в мечтах изнасиловать малолетку-хромонжку.

Горлова потела и безудержно кашляла. Мать отличника Аскольдова сверкала подведенными тушью глазами и гремела своим хорошо поставленным голосом, то и дело впрочем срываясь на истерический крик, и метала во все стороны свои раскаленные взгляды.

Левинсоны блистали своим отсутствием.

Председатель правления кооператива, Измитов, маленький, ловкий и умный татарин, старший научный сотрудник литинститута, написавший докторскую диссертацию о необходимости возвращения в русский язык буквы «ё», предложил вернуться к отчету правления. Его никто не послушал. Запахло судом линча.

В этот момент старый и опытный в работе с массами член правления, внешне ужасно напоминающий бывшего кандидата в члены политбюро ЦК КПСС академика Пономарева, автора учебника «История КПСС», вышеупомянутый ветеран Косоротов, человек нудный до рвоты, любитель аквариумных рыбок и большой почитатель писателя Кочетова, начал монотонно зачитывать отчет. Постепенно страсти улеглись и все погрузились в сонное идиотическое оцепенение, в котором советские люди проводили значительную часть своей печальной и абсурдной общественной жизни.

...

Несколько дней после собрания в нашем дворе только и говорили, что об изнасиловании в лифте. Слухи о происшествии поползли вначале по Ясенево, а

потом и по Москве. Где-то в Кузьминках преступник-подражатель попытался изнасиловать в лифте гражданку Евдокимову, маленькую женщину средних лет, по профессии продавщицу в овощном отделе. Та сумела за себя постоять – ударила насильника сумкой по голове. В сумке Евдокимова везла домой с дачи прохуdivшуюся керосинку. Ударилa как раз в тот момент, когда злодей пытался задрать ей юбку и ревел: «Раздевайся, блядьюга! А не то замочччу!»

Насильником оказался подвыпивший рабочий АЗЛК Владимир Фомичев, по кличке Фомич, дважды судимый пьяница и вор, лицом и повадками удивительно напоминающий нынешнего премьера Путина. Фомич этот умудрился обменять громадный токарный станок на три литра технического спирта. Половина цеха помогала ему выносить и тащить станок к дырке в стене вокруг АЗЛК.

Евдокимова проломила Фомичеву керосинкой голову, но героические нейрохирурги из института Склифосовского спасли за чем-то его жизнь.

Фомичева и до сих пор можно встретить у выхода из метро Текстильщики на Волгоградский проспект. Он показывает там прохожим какой-то орден, просит у них деньги и рассказывает, что получил этот орден на Афганской войне. Орден Фомичев украл у спящего недалеко от Курского вокзала бомжа. А тот – снял с трупа ветерана, умершего в одиночестве в своей квартире на шоссе Энтузиастов и пролежавшего там ровно два года и три месяца. Когда бомж взломал фомкой дверь и влез в квартиру, чтобы поесть и прибарахлиться, мумия ветерана в полном параде сидела в кресле перед мертвым телевизором. На телевизоре стояли пластиковые слоники и бюстик Ленина.

Евдокимова была осуждена условно за «превышение пределов необходимой обороны». В ее родном магазине ее стали дразнить «керосинкой». Возможно, это прозвище как-то таинственно повлияло на ее судьбу. Евдокимова-Керосинка сгорела в собственной даче недалеко от Усово. Ее сожитель поджег дачу и уехал в Москву. Из-за ревности. А ревновал он Евдокимову к продавцу в сельпо, Лешке Сухорукову, бывшему охотнику из Барнаула, задушившему, по его словам, «голыми руками» сорок медведей, настоящему краснощекому русскому богатырю, предпочитающему вместо кофе и чая пить натошак настойку на зверобое и закусывать ее собственноручно завяленном лосиным мясом.

– Мой тузлук, – говорил Сухоруков, попыхивая Примой, – всем тузлукам тузлук. Использую соль с Тихого Океана.

После обращения участкового к народу к нам во двор потянулись со всех сторон «туристы» – они глазели, просили показать «тот самый» лифт, искали следы крови, охали. Роль гида добровольно взяла на себя Подливанная. Она сидела целый день на лавочке перед злосчастливым подъездом номер три и открывала его своим ключом, когда ее об этом просили туристы. Подливанная показывала им грязный ясеневский подъезд так важно, как будто это была знаменитая картина «Джоконда», затем вызывала лифт и причитала: «Вот, полюбуйтесь, господа-товарищи! Вся cabina была в крови! Сама видела. До чего перестройка довела молодежь! Насилуют друг друга в лифтах, как ястребы. Скажите спасибо президенту нашему, Горбачеву! Армяны с азибаржанами дерутся уже, вот до чего довел страну! А у нас хромоножку изнасиловали параличную, подонки! Святую, юродивую! Сионисты! Сколько же еще протерпит великий русский народ? Да не убоишься от стрелы, летящая во дни, от вещи во тме преходящая, от сряца и беса полуденного».

– От срача? – переспрашивали туристы, посмеиваясь.

– От нападения жидобесов! – объясняла подлюга.

Подливанная была хорошо подкована по этой части на собраниях общества «Память» и даже сделала там сообщение, одобренное самим Емельяновым, об «изнасиловании русской юродивой сиономасонами в лифте».

...

Всех, и аборигенов и туристов, удивляло то, что лифтовые насильники не были до сих пор отправлены в колонию или по крайней мере арестованы, а продолжали как ни в чем не бывало жить в своих семьях. Как шло официальное следствие никто не знал. Не знали, стоит ли ждать суда и наказания виновных. В конце июня все участники прискорбного происшествия были отправлены на каникулы, кто куда. Игорек Аскольдов отдыхал, кажется, в Артеке. Павлик Левинсон жил на даче в Малаховке, Митенька Горлов прозябал в пионерлагере в Звенигороде, а Алинка, пролежавшая недельку в больнице и освобожденная от практики, гостила у бабушки в Павловске. К началу учебного года дети

вернулись в Ясенево и первого сентября отправились в школу. Дирекция школы разбросала их по четырем различным седьмым классам, и следила за тем, чтобы мальчики не подходили к Алинке. Но уже в первую неделю учения выяснилось – никакого антагонизма между Алинкой и тремя ее предполагаемыми обидчиками не существовало. Их видели вместе. Они увлеченно о чем-то беседовали и хохотали.

Шло время и ясеневцы начали потихоньку забывать о «жестоком изнасиловании в лифте». Много случилось в тот приснопамятный год событий и поважнее изнасилования хромоножки. СССР официально отказался от использования карательной психиатрии для борьбы с инакомыслящими. Началось армяно-азербайджанское противостояние, закончившееся как известно кровавой войной. Россия торжественно отпраздновала тысячелетие введения христианства на Руси. В Сеуле состоялись Олимпийские игры.

...

Помню, стоял на удивление теплый для конца сентября вечер. Около половины седьмого я подошел к нашему дому. У моего подъезда косо припарковались скорая помощь и две милицейские машины. Вокруг них толпился народ. В толпе шныряла Подливанная. Глаза ее радостно сверкали. Туда-сюда бегал еще живой ветеран Косоротов, похожий на Пономарева. Для важности он нацепил на пиджак медаль с профильным изображением Сталина с надписью «Наше дело правое. Мы победили». Я различил в толпе сипящую Горлову, прекрасную Аскольдову, измученного в борьбе за букву «ё» председателя Измитова, участкового Сидорчука и бухгалтершу Рубахину. Кто-то закричал: «Несут! Несут! Пропустите носилки!»

Несколько санитаров вынесли из нашего подъезда чье-то тело, покрытое зеленым в желтую полоску одеялом, и поспешно вкатили носилки в машину. Неестественно белая рука вылезла из под одеяла и беспомощно свесилась. На руке были мужские часы «Полет» на потрескавшемся ремешке из кожезаменителя.

Кто-то прошептал мне в ухо: Беспалов это. Повесился. Прямо над своими парусниками.

Вдруг раздался страшный крик, похожий на всхлипывания безумца.

К машине скорой помощи подскочила Полина, схватилась за ручку железной двери, задергала ее, попыталась открыть, затем почему-то засмеялась страшно неестественно, грузно осела, посинела лицом и медленно повалилась на землю. Голоса закричали: Она не знала! Инфаркт!

Санитары открыли дверь, втянули сильными руками Полину внутрь и тут же уехали.

Метрах в двадцати от толпы неподвижно стояла Алинка. Она спокойно смотрела на отъезжающую машину. Улыбалась. Что-то в ее фигуре мне показалось странным. Контуры ее явно изменились. Чуть позже ее увела толстая милиционерша.

У Полины был диагностирован шок.

...

История «с изнасилованием в лифте» получила, казалось бы, логическое завершение. Безутешный отец покончил с собой. Мать в шоке. Малолетние насильники – на свободе, потому что «родители дали кому надо в лапу». Я вспомнил «Золотого жука» и «Убийство на улице Морг» и решил, если удастся, провести домашнее расследование этого дела.

Еще до возвращения Полины из больницы подловил на улице полкана Сидорчука. Участкового нашего я знал лет десять, с тех самых пор, когда в Ясенево поселился. Было у меня с ним одно дельце, закончившееся любовно. С тех пор я его дразнил – генералом, а он меня – космонавтом.

– Разрешите обратиться, товарищ генерал?

– Чего тебе еще от милиции надо? Не тронь, как говорится.

– Расскажи, что там с этим проклятым изнасилованием в лифте. Следствие окончено? Суд-то будет? Люди болтают черт знает что. Да ты и сам просил помочь следствию.

Сидорчук почему-то смутился и забурчал: Не суйся ты, космонавт! Не надо. Дело темное, не поймешь ничего. У девчонки тогда врачи сперму обнаружили. Отымели ее грубо. А кто и когда – вопрос. Потому что пацаны эти сопливые, даже если бы захотели, такого сделать бы не смогли, разве что шваброй. Короче, Беспалова уже давно-давно не девушка. И поди разбери, с кем она. А пацаны у следователя пересрали... все бы рассказали, если бы было что рассказывать,

хорьки гундосые...

– Говорят, родители в лапу дали?

– Говорят, что кур доят! Этой гниде Зинке давно пора хлебоприемник порвать за такие заявления. А может и сунули, не знаю. Следствие прекратили. Девчонка сжалась, бестолочь. Уперлась как взрослая. А на очной ставке с подозреваемыми – начала с ними про их классные дела болтать. Географа им какого-то нового дали, обалдуя-нацмена. А детки мышей белых на пол выпустили.

Поприветствовали. Следак-то ушлый, про мышей и про нацмена послушал, посмотрел, да дело потихоньку и свернул. И мамаша ее – та тоже. Дичь какую-то порола вместо показаний. Больше ничего не знаю. Не разглашай, что сказал, а то посадим. И с папашей Беспаловым, тем еще фруктом, все неясно. Лет двадцать назад он за малолетку сидел. Зачем он удавился-то? Может, заметил что? Последствия, так сказать, своих собственных действий. Догадайся сам, космонавт.

Сидорчук подмигнул мне как-то неловко и быстро ушел. А я остался стоять. Вот тебе и хромоножка. Пятнадцать лет. Дела.

...

Второй разговор у меня состоялся с Митенькой Горловым. Недалеко от школы. Я его увидел, подошел к нему, не знал, что сказать. Мы с его папашей на рыбалку вместе ездили, на Можай. На его москвиче. Ничего не поймали, кроме одного маленького леща. Когда митенькин папаша из его жабр крючок вытаскивал, я слышал хруст. Дал себе зарок – никогда больше рыбу не ловить. И поясницу я там застудил. До сих пор мучаюсь. А митенькин папаша – какую-то телку в деревне подцепил, да и загудел с ней, пришлось мне назад на электричке ехать. Спасибо, до вокзала подкинул. Закончился его скоротечный роман в милиции. Что-то он со своей телкой не поделил. Занялся рукоприкладством. А она – не дура, в сельсовет, к телефону, у нее дядя мент. Тот приехал и рыбака забрал. А с телки побои сняли в Можее. Короче, он им все деньги отдал и еще раза три туда приезжал и платил ментам дань как Чингисхану.

А ко мне на обратном пути хулиганы пристали у Кубинки. Пришлось от них по поезду драпать. Отстали. Еще к кому-то полезли. Был бы у меня пистолет, убил бы гадов. Что мы за народ? Уроды.

Митя меня узнал и сам заговорил.

– Вы меня о том деле спросить хотите. Да?

– Ответь мне только на два вопроса. В лифте вчетвером в тот день были?

– Были.

– Беспалову насильно заташили?

– Нет. Мы к Игорьку ехали, на восьмой. После школы. Хотели у него в гоп-доп поиграть. Его мать на передаче была. Лифт застрял. Свет погас. Мы дурачились, орали. Потом Павлик догадался – встали все так, чтобы пола не касаться. В стены ноги уперли, в распорку. Алинка не смогла, пришлось ее руками держать. Она тяжелая. Пол у лифта поднялся – нас и вызвали. Свет зажегся. Только тут мы кровь разглядели.

– Какую кровь?

– В темноте кто-то случайно Алинке по носу врезал. Ну не нарочно! У нее кровь шла из носа. Как из крана. Лифт приехал на первый этаж – а там, эта. Зинаида. Глянула на нас – у меня рубашка из штанов вылезла, у Павлика штаны на коленях, Игорек трясется, он нервный. А Алинка – вся в крови. И на полу кровь. Зина визжала как психованная. Про Горбачева что-то сказала. И про бесов. Обещала в милицию позвонить. Мы испугались. Алинка и Павлик – по домам. А Игорек – ко мне. У меня в комнате шалаш и радио. С лампочкой. Мы там три часа просидели. Читали книжку веселую. «Монахиню» Дидро. А потом, я уже спал, милиция приехала. Я им все рассказал, мне не поверили. А Алинка уже в больнице была. А почему – не знаю. Не из-за носа же. Под утро меня домой мама на такси отвезла. Потом еще таскали. Орали на меня. Наручники надевали. Провода показывали. Говорили, будут пытать и бить. Бумагу мне какую-то совали. Сказали, подпишешь, больше не будем таскать. Я подписал. Мать там кашляла. Отец наш старый москвич продал. Говорил – откупиться надо от гадов. Больше ничего не знаю. Не говорите родителям, что я вам рассказал. Меня отец выпорот. Как продал москвич, напился, и меня и мать избил. У матери приступ, а он ее по лицу.

...

С Павликом разговор получился короткий.

– Все было по согласию. Алинка сама нас в лифт заманила. Давалка. Юбку

задрала, грудь показала. В рот брала и туда давала. Митенька испугался и даже штаны не снял. Игорек так трясся, что так и не попал в цель. А я – все сделал как Шварценеггер.

Я не поверил ни одному его слову. Но понял – он будет стоять на своем до последнего, потому что сам верит в эту ложь. Или не ложь.

...

А с Игорьком разговор был еще труднее.

Игорек с виду – послушный такой мальчик. Причесанный. В белой свежей рубашечке. Аккуратный пацан. На мать похож. Может, пидорок? Представился ему, сказал зачем-то, что я из органов. Показал для понта институтский пропуск, он у нас с гербом. Он вроде поверил, затрясся как ребенок.

Заглянул я ему в глаза. Нет, не боялся он меня. И трясся не от страха, а от возбуждения. Начал со мной комедию ломать. Как с тем учителем-нацменом.

Это ведь он тогда мышей в зоомагазине купил и пустил в класс.

– Насиловали вы тогда вчетвером Беспалову в лифте?

– Да.

– А ты не врешь?

– По очереди. Двое за руки и ноги держали, а третий. Все отметились...

– А в лифт Алинку как заманили?

– Сказали, у Игорька коллекция значков. Хотели завести домой и связать – руки и ноги веревками к ножкам лежанки, врастяжку. Веревки заранее приготовили. И кляп. Но Митька не выдержал и в лифте бузу начал. На кнопку «стоп» нажал. И понеслась. Алинка орала как сумасшедшая, а мы все на свете забыли, когда ей трусики стянули.

– А откуда кровь? Били ее?

– Не били, только лапали. А кровь – у Алинки менструация была. Мы и не знали, что так бывает. Запачкались все.

– Ты это все следователю рассказал?

– Все рассказал. А он меня спросил, есть ли у нас машина или дача. А у нас – ни того, ни другого. Я с матерью один живу. Отец уже пять лет как в другой семье. И алименты не платит. А милитон тогда на мать посмотрел и сказал – ничего, найдем другой выход. Мать зубы сжала, но к нему домой целый месяц ходила.

Приходила под утро. Рассказать, что она у него делала?

– Не надо.

– Ну что, довольны? Доволен ты, козел с гербом?

Игорек дернул щекой, нервно затрясся и убежал от меня. Отбежал метров двадцать, поднял камень и в меня бросил, сволочь. Слава богу, не попал. Но охота вести мое «расследование» дальше у меня пропала.

...

Месяца через четыре встретил я Полину. В том же универсаме, на Паустовского.

Все дороги туда вели

Она ждала у открытых холодильников «вброса» мяса. И я ждал. Там и столкнулись. Вбрасывали продавщицы в контейнер мясо, как шайбу в хоккее. Все жадно хватали замороженные куски и отходили в стороны. Продавщицы орали – по одному куску на человека, граждане, не толпитесь, не давите! Но мы толпились, давили, мужчины грубо отталкивали женщин, те отпихивались как могли и царапались. Несколько рук одновременно хватали один мерзлый кусок в целлофане, начинались схватки из-за желтых костей. Дарвинизм...

Я оттащил тогда два куска. Как тогда шутили – для себя и для того парня.

Полина к самому пеклу пробиться не смогла. Я галантно подал ей мясо. Она приняла. Улыбнулась, сверкнула стальной коронкой. Опустила глаза, повела кокетливо плечами. Я предложил ей донести до подъезда тяжелую сумку.

Поздним вечером Полина спустилась ко мне на первый этаж.

Мы сидели на кухне друг против друга, пили сладкий чай, ели принесенный Полиной пирог с капустой и болтали. Я налил себе и ей грамм по пятьдесят водки, мы выпили, а еще через полчаса уже лежал на ней и наслаждался тем, как мягко волнуется подо мной ее податливое тело.

Уснули мы только под утро.

Вечером следующего дня Полина пришла ко мне с беременной дочерью. Алинка ласково обняла меня, нежно заглянула мне в глаза, поцеловала в губы и солнечно улыбнулась.